

Маленькая девочка с седыми волосами

Жанна Адеин

Жанна Адеин

**Маленькая девочка
с седыми волосами**

«Автор»

2025

Адеин Ж.

Маленькая девочка с седыми волосами / Ж. Адеин — «Автор»,
2025

Писать новеллы я начала 8 лет назад и вот сейчас, пожалуй, пришло время выпустить первые мои три рассказа. Писать мне легко, так как я описываю в них реальные судьбы моих друзей, знакомых, соседей, людей с которыми я встречалась в поездах, пансионатах, на вечеринках, и, услышав их историю жизни, больше никогда их не видела. Люди повествовали о наболевшем. Да что говорить, в моих книгах присутствуют даже элементы моей собственной жизни. Все по - настоящему, все естественно. Мне не нужно ничего сочинять, придумывать, это уже сделали мои рассказчики. Должна только интересно писать, а точнее, описывает события, чтобы донести моему читателю святую истину, основанную на наблюдениях и опыте, что все в этом мире можно пережить, если пытаться принимать как должное и даже набраться мужества, чтобы и в скорби найти достоинства и утешение. Я стараюсь легко описывать события, несмотря на их сложность, принять все, что творится в твоей жизни как должное, послание с неба.

© Адеин Ж., 2025

© Автор, 2025

Жанна Адеин

Маленькая девочка с седыми волосами

Маленькая девочка с седыми волосами

Мы «уходим» в себя, если «снаружи» нас не понимают.

Лина стояла у окна своей уютной двухкомнатной квартиры и молча смотрела на старый клён, с которого опали листья. Клён был старым, задумчивым и голым, как жизнь Лины.

Да, Лина старая. Ей 49. Да, она задумчивая, оттого что жизнь потрепала её, уже к 49 годам она почувствовала огромную усталость и изношенность души. Да, голая, потому что одинока. Одинока не оттого, что живёт одна, а оттого, что её часто посещает странное видение: будто сидит она в трёхлитровой банке и за прозрачным стеклом этой самой банки наблюдает жизнь других людей, если это можно назвать жизнью. Суета земных человечков, которые не замечают за этой самой суемой, как проходят день за днём, месяц за месяцем, год за годом. Даже не проходят, а просто пролетают. Про-ле-та-ют... Как птицы.

Помните Платона? А ведь прав был великий мыслитель, когда ещё тогда, давно-давно, постигнув жизненную истину, писал, что большинство людей сидит в пещере и смотрит на свои тени. Вот они, а вот тени. И им кажется, что нет другой жизни. Только эти холодные каменные стены и снова тени. Но это не так. Снаружи доносятся голоса, светит солнце, щебечут птицы, и есть лето и зима, осень и весна. Но эти люди не верят этому. Им кажется, что всё это галлюцинации, мираж – другой жизни не существует. Есть только одна жизнь – ледяная каменная пещера и танцующие тени.

И если кто-то из этих людей всё-таки отважится разорвать цепи пещерной жизни и выйти из холодного тёмного мрака подземелья, то увидит этот счастливец солнце, весну, другую жизнь – настоящее чудо. Но вся трудность в том, что только единицы способны сбросить наручники, сделать вызов и выйти навстречу свету.

Стоял ноябрь. Промозглый, с мелким дождём и длинными тёмными вечерами. В квартире у Лины было тихо. Только часы, висящие на стене, над обшитым бирюзовой тканью креслом, тикали в такт Линыному сердцу. Иногда это размеренное тик-так дразнило, как бы фиксируя её одиночество. И казалось, что этот мерный властелин времени то замедляет свой ход, то ускоряет. В эти минуты она чувствовала, что попадает в какое-то другое измерение времени. Измерение, которое нельзя постигнуть разумом, ибо кто-то невидимый и всесильный не допускает открыть это простому смертному человеку.

Лина снова отодвинула занавеску и взглянула на клён. Она приехала в этот дом с родителями очень давно, ещё маленькой трёхлетней девчушкой. Клён тоже был очень маленьким и тонким. Казалось, что его только вчера посадили, вместе с приездом девочки Лины. Но теперь он большой и широкий. Дерево росло вместе с ней, и вся жизнь его прошла за окном Лининой квартиры. Клён протягивал свои голые ветки к серому, затянутому тучами небу, как бы умоляя ветер остановиться, пожалеть его, дать покой. Но ноябрьскому ветру казалось мало того, что он потрепал все листья и уложил их грязно-жёлтым, мокрым ковром на землю. И он решил приняться за бедные ветки, трепыхая их взад и вперёд, норовя сломать и бросить к листьям.

«Что сделал этот клён ему?» – Лина грустно улыбнулась, чтобы забить подступающую к сердцу тревогу.

Часы пробили шесть вечера.

«Хорошо бы выпить кофе», – подумала Лина и поплелась на маленькую кухоньку своей хрущёвки. А ведь когда-то здесь, каких-то 10 лет назад, она чувствовала себя девочкой-школьницей. Живы были папа с мамой, оттого и чувствовала себя ребёнком. Отец по-отцовски хмурил брови, когда был недоволен, что дочка опять веником вымела из-под кровати любимую отцову книгу Тургенева «Отцы и дети» и вернула на книжную полку. И он потратил целых 10 минут драгоценного времени жизни, ища её. В старости время идёт по-другому и ценишь его по-другому. Дочки дома не было, а мобильных телефонов отец не признавал, часто повторял, что этот прогресс наделал столько дыр в атмосфере, глобальное потепление от этого и в конце концов ни к чему хорошему это не приведёт. А мама по-матерински гладила шершавой рукой Лину белокурую голову.

Ещё с юности Лина любила ополаскивать свои светло-русые волосы оттеночным шампунем цвета серебра, лёгкой седины. Ей нравились кофты цвета графита, лёгкие серые блузки с металлическим отливом и пепельные волосы. Молодая персиковая кожа лица немного не сочеталась с дымчатым цветом волос. Хотя они всё-таки придавали её образу какой-то таинственности. Наверное, ещё тогда Лина утвердила свой образ маленькой девочки с седыми волосами.

Только сейчас они по-настоящему поселились, а вот кожа странно осталась молодой, почти без морщин, гладкой, но бледной. Говорят, что морщины от смеха, а седина от переживаний. Да, вот только давно она не смеялась. Плакала – да, переживала – да, но не смеялась.

Когда-то на вокзале она ждала сына из командировки. Так соскучилась по своему сыночку, что не выдержала и пошла на железнодорожный вокзал за три часа до прибытия поезда. Решила присесть на бордюре, у вокзала. Боковым зрением увидела приближающегося хромого мужчину, похожего на узбека. Поравнявшись с ней, он остановился, прищутив левый глаз от дымящей сигареты.

– Работа не нужна? – непонятно, по какой причине поинтересовался он.

Лина, не любившая общаться с незнакомцами, отвернулась – проигнорировала. Мужичок не отставал.

– Не пойму я вот, смотрю на тебя, вроде и молодая, а такая седая. Или жизнь тебя инеем припорошила?

Лина отвернулась, посидев ещё минуту, встала и пошла по перрону тихой походкой, не оглядываясь.

Отец не любил мобильные телефоны и часто, кряхтя, говорил, что всё движется к концу света. «Вот вы радуетесь прогрессу, как детвора новой игрушке. А какой это прогресс-то? Когда благодаря таким вашим излюбленным мобильникам, как вы их изволите называть, прогрессирующей индустрии, глобальное потепление наступает. Ну, где это раньше на Новый год дождь хлещет? Да мы не могли раньше двери в избе открыть утром, снегу столько навалит, а теперь в мае снег идёт», – сетовал на прогресс отец, пыхтя папирской.

Мама – та всё больше молчала. Научилась к закату жизни больше молчать, чем говорить. Мамочка любила молча стирать, варить красный от помидоров борщ, штопать что-то. Ежедневно она что-то варила, потом выливала, снова варила, и так изо дня в день.

А ещё она была очень чистоплотной. Вещи всегда стирались без большой надобности. Ещё не совсем грязные папины брюки, после одного дня носки, летели в корзину для грязного белья молниеносно. И уже утром, в одних семейных трусах и в белой майке отец заглядывал за колченогий старый стул, подумав, что брюки случайно упали туда.

Милый папочка, какой он был худой. Комнаты квартиры были вагончиком. И Лина, сидя в соседней комнате, на своём любимом диване, видела, как отец часто прохаживался по комнате взад и вперёд. Да, он был очень худой. И сейчас его тощие с редкими волосёнками ноги торчали из-под тёмно-синих трусов смешными кочерыжками. А ещё он страдал геморроем. Но мама всё знала и невзначай, как бы ненароком, советовала обратиться к врачу. А вот этого папа не любил. Он свободу любил, а врачи её отнимают.

– Сколько на веку написано, так тому и быть, – повторял он.

Часто молчащая мать вдруг внезапно оживала:

– Ну, Фёдор, так нельзя. Ну, где так написано?

– Ну где? Где? А ты Библию, Вера, почитай. Зародыш мой видели очи Твои, в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них ещё не было. Вот псалтирь 138, глава 16, – отец, процитировав Библию, тяжело вздохнул, посмотрел украдкой на икону Христа Спасителя, перекрестился и поплёлся тихонько в кухню.

Раздался телефонный звонок. Все сразу встрепетались. Стационарный телефон, ради папы, не стали отключать, хотя всюду все пользовались мобильными.

– Это Серёжка! – вскрикнула Лина и побежала к аппарату. Неизвестно как, в мгновение ока отец и мама оказались у аппарата и глотали каждое дочкино слово.

– Да, да, сынок! Когда? Завтра? Ну слава богу! Ждём, уже ждём тебя, сыночек. С кем? С девушкой? – Лина на секунду замолчала, а потом резко встрепенулась. – Ну дай бог, дай бог, сыночек. Всё, ждём, целуем.

Серёжка старался всегда звонить на стационарный телефон, чтобы порадовать бабушку, как бы подчёркивая: я с тобой, дед, заодно.

Положив трубку, Лина тихо опустилась на это самое бирюзовое кресло, которое одиноко стоит до сих пор в углу. Ничего не поменялось в квартире, только события поменялись.

Отец с мамой одновременно подскочили к Лине.

– Что Серёжа сказал? Когда ждать?

– Мама, папа, Серёжка не сам едет, с девушкой. Всё-о-о-о, переходим к следующему этапу жизни, – задумчиво ответила Лина.

Послышались шаги в подъезде. Кто-то, тяжело шаркая ногами, проходил мимо Лининых дверей. Она знала, кто это, она знала всех жильцов по вздоху, по темпу ходьбы, по всему, ибо прожила здесь большую половину своей быстро мелькающей жизни. Она была замкнута от природы, интроверт. Человек, черпающий силы внутри себя, окружающие её интересовали мало. Ей легко жилось своей астральной жизнью, сузив круг общения до минимума. Мама, отец, сынок Серёжка. Вот им-то она отдавала всё: любовь, ласку и силы.

«Родная кровь не вода», – часто повторяла Лина, и казалось ей, что всему этому не будет конца. Мама будет, как всегда, варить свои красные от переспелых помидор, наваристые борщи, папа каждый вечер будет зачитываться книгой Тургенева «Отцы и дети», а Серёжка уже по-мужски будет хохотать над очередной комедией. Она же, Лина, спокойно станет изучать философию Канта и размышлять о науке бытия.

Лина отошла от окна присела на табуретку возле телевизора. Мама с потемневшей фотографии молча смотрела на неё. На ней мама была молодой, можно сказать, даже юной 25-летней девушкой. Темноволосая, с карими огромными глазами. Но маме эта фотография не нравилась, ещё при жизни она говорила Лине: «Ну зачем ты её повесила, доча? Я там не нравлюсь себе».

А вот другая фотография, висевшая чуть дальше, по её мнению, была намного лучше. На ней ей было уже 55, на пенсию только вышла, для пенсионного свидетельства и сфотографировалась.

Лина подняла уставшие глаза на снимки. Мама всё тем же немигающим взглядом смотрела на дочку.

«Ну как ты, мама, там, на Небесах? Наверное, с папой вдвоём? Как живётся вам, родные?»

Мама молчала, а Лина взгрустнула. Нет, она уже не плакала. Всё выплакала за эти 2 года. Говорят, если что-то потеряно или кто-то ушёл и человек прожил без этого полгода, то он сможет жить дальше. Может быть, и сможет, а может, и нет. Скорее всего, он просто привыкнет жить с этой болью... наверное. Но всё-таки он жить сможет. Она ведь живёт, а вот как – это уже другое.

К Серёжкиному приезду готовились с самого утра. Отец бегал в магазин раз пять. Мамочка в белом фартуке, подаренном Линой на Новый год, ловко управлялась с мясорубкой, из которой тонкой волнистой струйкой извивался розовый сочный фарш. Вскоре должно было запахнуть котлетами.

Лина посылала отца купить хорошую скумбрию для салата «Мимоза». А вот за яйцами он ездил на рынок, за домашними, к сельским жителям. Папу предупредили, чтобы купил яйца именно с коричневой скорлупой, так как у таких яиц желтки ярче, а значит, и витамина D больше.

В комнатах горел свет и было тепло. А главное, был такой уют от всего происходящего: и папино стучание дверьми, и весёлая песня котлет на сковородке, и звон часов на стене, которые торжественно отбивали каждые полчаса.

Салат готовила быстро. Традиционный салат на все торжественные события набил Лине руку. Уже много лет «Мимоза» украшает их праздничный семейный стол.

Серёжкин поезд Санкт-Петербург – Курск по расписанию прибывает рано утром. Лина до сих пор не могла понять странный выбор сына: променять северную столицу на провинцию. Что особенного он нашёл в этом Курске? Такой же юридический есть и в Питере. Зачем нужно было ехать бог знает куда. Но Серёжка шутил с матерью:

– А я, мам, хочу, как Чехов, в провинции пожить, – улыбался, щурил левый глаз от дымящей сигареты.

– Ну, Серёжка, Чехов был писатель, он черпал вдохновение там для нового произведения. А ты будущий юрист, это совсем другое, – со вздохом говорила Лина, глядя сына по голове. Он отмахивался: «Я же не девочка».

– Нет, мама, любому человеку, будь он писатель, бизнесмен или юрист, нужны вдохновение и отрада. А если честно, мама, я очень устал, устал от суеты, – отвечал Сергей, как будто прожил уже половину жизни, многое повидал. В таком возрасте обычно ещё не устают.

– Ну, сынок, это как посмотреть. Помнишь Омара Хайяма, так он говорил, что жизнь наша устроена так, что и мудрецы иной раз вынуждены погружаться в суету.

– Мам, мы должны пытаться избегать её. Потому что много жизни уходит на суету. Вот смотри, мама, иногда слышишь: люди сетуют, что жизнь пролетает – и не замечаешь. Но это не так. Годы и месяцы тянутся очень долго. А суетливый человек сам себя торопит.

Часы пробили девять. Мама Вера смотрела со стены своими карими добрыми глазами, как будто постоянно присутствовала здесь, в этой глухой, тихой комнате. Ещё при жизни родителей Лина повесила их фотографии в позолоченных рамках на самом видном месте, в зале. Там, чуть поодаль, и Серёжина фотография, и братика, и племянника Алёши. Все близкие сердцу люди. Когда родителей не стало, поднимать глаза на фотоснимки стало невыносимо

тяжело. Боль утраты легла холодной плитой на сердце и давила безжалостной силой так, что не хватало воздуха дышать и сил жить дальше. Хотела убрать фотографии в комод, в самый дальний ящик, чтобы не теревить кровоточащую рану. Потом искала оправдание своим поступкам и решила оставить всё как было. Ибо убегать от действительности опасно. Любое горе нужно просто пережить, пережить этапы, защитные этапы, которые включает наша психика, чтобы сохранить нас. «Ибо мы дивно устроены», – гласит Божье предание. И Господь позаботился о Лине, о своём человеческом создании.

Пережила. Тяжело было. Больно, невыносимо больно. Хотелось кричать, выть, падать на землю и плакать, плакать, плакать. Есть не хотелось, постоянно тошнило, и пересыхало во рту от обезвоживания. Молила Бога помочь справиться с горем, а потом... а потом металась в горячем бреду – уйду в монастырь, не смогу жить мирской жизнью, не смогу уже.

Дни проходили как в каком-то ужасном сне, было одиноко и страшно, тело дрожало от передозировки корвалола и барбовала. К врачу Лина не пошла, решила сама противостоять нахлынувшему несчастью. Молилась, читала Библию, страдала, молчала, иногда, чтобы не падало давление, начинала петь или слушать весёлые песни. Держалась, боролась, как могла. Пережила. Переродилась. Душа приняла всё и стала свободной, смысл жизни другой появился, а волосы на головешке поседели, засеребрились, как иней на ветках. Такой голубовато-пепельный и... прозрачный.

Пережила первый этап, самый тяжёлый и самый страшный. Кто-то невидимый помог пройти его. И она знала кто. Преодолела в одиночку, потом следующий этап, следующий... и начала жить другой жизнью. Ведь человек умирает столько раз, сколько раз теряет ближнего, и она это почувствовала. Она умирала и воскресала.

Серёжку решили встречать с отцом на машине. Мама осталась хлопотать на кухне, да и по хозяйству: то окна протереть, то ванну вымыть, дочиста, белизной. На балконе не забыть поставить чистую пепельницу. Все чувствительные, ранимые, все курят. Радовалась несказанно приезду внука. А тут дня за два, как предзнаменование, зацвёл кактус. Кактус, стоявший на навесном шкафу в кухне, выпустил неожиданно красную продолговатую мохнатую почку. Как будто напомнил о себе, что он живой, несмотря на то, что закопчённый и запылённый. О нём почти все забыли. Стоял высоко, воды часто не требовал. А сейчас его лоснящееся от кухонного жира, колючее зелёное тельце решило принять участие в семейном торжестве и порадовать милого, весёлого и одновременно задумчивого Сергея. Хотя вряд ли он вообще заметит этот старый кактус. Ну, кактус, наверное, об этом не думал, а просто зацвёл. Иногда полезно ни о чём не думать, а просто сделать что-то хорошее, не задумываясь.

Мама стояла и смотрела на это колючее чудо с распустившимся ярко-красным цветком, похожим на цыганскую серьгу. Она отметила про себя, что кактус жил на этом шкафу около 10 лет и ни разу не зацвёл. К добру ли это или нет. О нём действительно почти забыли, он превратился в пластмассовую икебану. Когда мама Вера проверяла душник на кухне, наткнулась на этот тихий, покладистый цветок, то заливала его водой, так чтобы ему хватало надолго. Да он так и жил, радуясь нечастому глотку воды и питаясь кухонными парами. И вот сейчас пришло время напомнить о себе во всей своей зелёно-красной колючей красе.

С утра было немного прохладно, но, по прогнозам, день должен быть жарким. Отец, кряхтя, вышел из своей старенькой легковушки и, приглаживая на ходу взлохмаченные волосы, направился к перрону. Лина засунула мгновенно руку в сумку, на самом дне нащупала маленькое квадратное зеркальце и, достав помаду из кармана пальто, подкрасила и без того влажные губы. «Всё-таки Серёжка не один приедет, нужно свежо выглядеть перед детьми», – подумала она.

Приближение пассажирского поезда возвестил протяжный гудок локомотива. Вот и голубые вагоны замелькали перед её глазами, быстро-быстро. И вдруг Лине показалось, что это вовсе не вагоны пролетают, издавая легкий металлический стук о рельсы, а её, Лина, собственная жизнь, от этапа к этапу: дочь, мама, а теперь уже в роли будущей свекрови. Колышется её тонкая фигурка от лёгкого ветерка проходящего поезда.

Женщина встряхнула головой. Ну вот ещё, всякая несурезица лезет в голову, старею, что ли. «Какая жизнь пробегает? Я вроде и не жила ещё», – подумала невзначай и стала искать глазами уже отца, который непонятно как пропал из виду. А поезд начал замедлять свой ход, вот уже слышен звук поднимающихся подножек, отчётливо видны из вагонов торчащие головы проводников и проводниц. Серёжкин вагон третий. И, как по заказу, именно тот третий вагон остановился перед Линой.

Господи, а где же папа? Начала искать глазами отца и вдали узнала знакомую фигуру, несущуюся от головы поезда. Отец так разволновался, что не расслышал, как диспетчер монотонным голосом возвестила, что отсчёт вагонов на этот раз с хвоста поезда. Поэтому бежал папа не свойственной ему молодецкой пробежкой, догоняя этот самый третий, хвостатый вагон.

Лина сразу узнала в проёме вагона чёрные как смоль волосы сына. Серёжка быстро спрыгнул с подножки вагона и сразу же резко повернулся в обратную сторону, галантно протягивая руку милой, можно даже сказать, красивой девушке. Да что там говорить, молодость всегда красива. Слёзы начали заволакивать глаза, в голове мимолётно пробежали картины той жизни, когда Серёжка лежал в голубой коляске с рисунками облачков и солнышка и упорно требовал соску, которая закатилась за его оттопыренное ушко.

Лина поёжилась, ей показалось, что в комнате прохладно. За окном снова качался клён, который вернул её в реальность, в эту тяжёлую, скрипучую реальность, в реальность одиночества. Уже изрядно потемнело, и только уличный фонарь освещал пустынную, поникшую улицу с одиноким старым клёном. Первые капли дождя упали на оконное стекло, и от этого ещё больше стало грустно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.